

Л. Х. ШАУЦУКОВА,
М. А. МАХОТЛОВА
(Нальчик)

АДЫГСКИЙ РУКОТВОРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «НАРТЫ»

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимоотношения общества и природы, в его репрезентации в традиционном культурном рукотворном ландшафте. Авторы, апеллируя к фрагментам из героического эпоса «Нарты», доказывают: взаимоотношения с природой в этнической культурной системе адыгов строятся на принципах гуманистического рационализма.

Ключевые слова: адыгский сад-лес, эпос «Нарты», сохраняющее сознание.

Самое главное качество в системе «человек — природа» в традиционной культуре адыгов можно сформулировать как «сохраняющее сознание», являющееся важнейшим компонентом отношения к миру вообще. Природа в этой системе — полноправный участник диалога, который проходит на уровне «субъект — субъект». Таким образом, человек признает «самость» природы с учетом ее собственной меры и понимает, что они подчинены взаимодействию, общей задаче динамического развития, устойчивости вечных взаимосвязей, при которых сам человек является частью живого мира во всей его целостности. Адыг осознает: в борьбе, в которой не может быть победителей, нет смысла, поэтому он стремится сознательно регулировать природу в целях ее гармонизации. Такое отношение к природе берет начало в самых ранних, анимистических, верованиях народа.

Как известно, материальные потребности в своей первоначальной, исходной форме неразрывно связаны с процессом формирования человеческой духовности. Древнейшие предки абхазо-адыгов — хатты, синды, меоты, керкеты — еще с периода каменного века являются носителями религиозных верований, в которых важнейшее место отводится древесным культам, а также

культам аграрных божеств. Ярче всего они проявились при матриархате, когда всё в природе мыслилось в женском обличье. Самые архаичные формы культа отражают представления о родстве женщины и дерева, что находит подтверждение в фольклорных сюжетах. Например, в образе Жыг-гуашэ (женщины-дерева), который воплощает в себе философское, мировоззренческое начало в стране нартов, являющихся в адыгском фольклоре прародителями племени адыгов. Жыг-гуашэ — богиня, покровительница деревьев, — которая имеет необыкновенный облик: снизу она дерево, сверху — прекрасная женщина с серебряным лицом и золотыми волосами. Она пребывает на морском побережье, и там ее окружают небесные красавицы — *тхаГухудхэ*, которые водят вокруг нее хороводы, поют песни и играют в различные игры, забавляя свою хозяйку. Но не только красотой славится Жыг-гуашэ, она так мудра, что съезжаются к ней верхом и сходятся пешие, чтобы услышать ее совет, так как ее мудрость достигла самых дальних пределов. В сказании о кузнеце Тлепше говорится о том, что нарт-кузнец Тлепш, странствующий по свету в поисках знаний и истины для сородичей, полюбил ее и стал отцом солнечного мальчика, которого Жыг-гуашэ родила и наделила своей мудростью: первые слова новорожденного, заговорившего сразу после рождения, заключали в себе совет нартам ориентироваться в походах и странствиях по *шиху лъагъуэ* — Млечному пути.

В сказании «Золотое дерево» адыгского героического эпоса «Нарты» читаем:

*Нартской земле на славу,
Нартам на удивленье
Дерево золотое
Вырастил Бог плодородья:
Утреннею зарею
Яблоко нарождалось,
И до заката зрело
Яблоко наливное.
Спелый и несравнимый,
Плод из плодов небывалый,
Белый наполовину,
Наполовину — алый.
Солнце пол-яблока утром
Красило красным цветом,
Скрытое от светила,
Белым пол-яблока было.*

*Женщина дочку рожала,
Если в бесплодье съедала
Белую половину.
Женщина сына рожала,
Если в бесплодье съедала
Алую половину.
Только одно каждодневно
Яблоко выросло
[Нарты 1957, 349].*

Здесь мы видим явный антропоморфизм яблони (*мыЛэрысей*), которая является жизнотворным, оплодотворяющим началом.

С культом дерева был связан и образ Мэз-гуашэ (хозяйки леса), который был распространен в основном на территории Западного Кавказа (тождественной современной Адыгее). Мэз-гуашэ является покровительницей растений, лесов, а также управляет дождем. Почитание покровительниц деревьев проявилось в традиционной обрядовой культуре, а именно в ритуалах, проводившихся под священными деревьями и в священных рощах (при бесплодии, трудных родах — с участием только женщин; индивидуальные и групповые обряды лечения) [Хабекирова 2001, 14].

В сказании «Как Малечих вышла замуж» героиня, обращаясь к шиповнику и громадному дереву, находит нужные слова, которые помогают ей расположить к себе поначалу враждебно настроенные растения:

*Встал стеной шиповник частый,
Поперек тропы разросся,
Цепкие раскрыл объятия,
Платье рвут шипы, — о горе!
Малечих ему сказала:
«Чтоб твоей сорочкой красной
Любовались долго люди,
А шипы под оболочкой
Чтоб тебе в нутро впились!
Платье рвешь мне, злое семя...».
... Отступил с пути шиповник,
Отступил с пути колючий
[Нарты 1957, 396].*

<Далее героиня обращается к дереву-громаде, у которого:>

*До небес его вершина,
До земли ветвей завеса.
Исполина не объедешь,
Птице дерево презрада,
Зверь его ветвей страшится,
Как сетей непроходимых...
[Там же, 397].*

*<Просит его пропустить ее, говоря:>
Дерево вековое,
Ты ветвисто и стало
Неохватно, тенисто!
Ты касаешься чистой
Синева головою.
Ты раскинуло ветви
По дорогам и тропам.
...Подними свои сучья...
[Там же, 398].*

<И дерево, конечно, после сказанного охотно пропускает Малечих.>

Мы видим, как по-разному обращается героиня к природным объектам: если она ругает шиповник и даже грозит ему, то к вековому дубу она обращается совсем с другими интонациями — ее просьба смешивается с восторгом и восхищением перед его могуществом и величием. Диапазон чувств, возникающих у человека, сталкивающегося с природными явлениями, колеблется от желания активного вторжения и преобразования окружающего мира с позиции силы до преклонения и ожидания милости, которую можно заслужить лишь мольбами и признанием своей слабости перед «свободной стихией».

В адыгской мифологии, затем в эпосе дерево плачет, смеется, мыслит, советуется, страдает, радуется. Корни этого явления очевидны: человек стремится ввысь, а не вниз, хочет расти, а не сравняться с землей, пытается взлететь и достигнуть своего создателя, поэтому, по представлениям адыгов, как и многих других народов, душа умершего улетает на небеса. Вот почему все, что поднимает его ввысь — а это, прежде всего, дерево, — в определенном историко-культурном контексте становится культом. В адыгских народных сказках дерево наделено множеством семантических функций: оно рождается и рождает, выступая в роли демиурга; оно защищает и нападает, свидетельствует и обвиняет. Человек превращается в дерево и наоборот, волосы становятся деревом, змея — кустарником, гребешок — густым лесом. Дерево, вода и земля являются взаимосвязанными куклами, дерево выполняет функцию святилища, его украшают и пытаются умилостивить, с ним связаны различные инициации и т. д. К примеру, для того чтобы сложить песню-плач *гыббэ, джэгуаклуэ*

(адыгский аэд), непременно удалялись в священную рощу, к священному дереву (в этом плане особую миссию приписывали дикой груше (*кхъужьей*), если плач был посвящен умершей женщине, и дубу (*жыгей*), если покойный был мужчиной), и плач, как представлялось адыгам, впитывал в себя особые соки и жизненные ритмы этих деревьев [Хабенкова 2001, 28].

Многие ученые, исследовавшие культ деревьев у адыгов, сходятся в том, что уже в ранних мифологических представлениях народа присутствуют рациональные, реальные знания о роли деревьев в природе, свойствах древесины, плодов, корней различных видов растений.

В целом, если говорить о культе дерева в контексте мифологии у адыгов, можно выделить его специфические черты: антропоморфность дерева; способность служить тотемом, объединять живое и неживое начала мира; соотнесенность с религиозными верованиями. Кроме того, дерево выступает в качестве источника силы и могущества; влияет на рождение и смерть; наделено социальными функциями (защита, покровительство и др.).

В настоящее время сохранилось много примет того, как в древней языческо-христианской религии адыги чтили деревья, под которыми они молились, приносили в жертву различный скот и птицу, общались с пантеоном своих богов, на ветвях деревьев развешивали тесьму, цветные тряпочки, оружие и одежду умерших, родных и близких. К примеру, в долине реки Аше, в адыгейском ауле Наджиго, до сих пор растет огромный дуб с диаметром ствола более трех метров, нижние ветки которого кажутся взрослыми деревьями. До сих пор местные жители и жители окрестных сел, хотя и не молятся под ним, и не приносят жертв, чтут и охраняют его не только как ботанический реликт, но, главным образом, как культурное достояние.

А вот дерево возле кургана по пути из Лазаревской в Наджиго определено до сих пор считается священным: оно все увешано цветными тряпочками, к нему приходят те, кто поминает умерших, под ним просят о прибавлении семейства, считается также, что оно приносит

исцеление и избавление от болезней. Интересен тот факт, что дерево выросло на могиле одного из братьев Шхалаховых, погибшего от удара молнии, а погибнуть от молнии Бога Шибле считалось у адыгов большой милостью, покойника почитали святым и хоронили на месте гибели. Есть и другие деревья, к которым адыги относятся с большим почтением: тюльпанное дерево в поселке Головинка Лазаревского района Краснодарского края, три священных дуба в окрестностях Солох-аула, чья толщина более трех метров в диаметре и высота около сорока метров.

Важным аспектом обозначенной в данной статье проблемы является социоментальность адыгского общества, диктующая уважительное отношение к созидательному труду, направленному, в первую очередь, на преобразование окружающей действительности согласно своим эстетическим (духовным) и бытовым (материальным) потребностям.

Много примеров экологического воспитания и в Нартском эпосе. В нем встречаются названия большого количества деревьев, земледельческих, альпийских и лекарственных растений. Детям с детства прививалось стремление быть трудолюбивыми (*лэжьыакгуэу*), аккуратными (*Іэкгуэлякгуэу*), любознательными и наблюдательными (*набдзэгубдзальгэу*):

Нартхэм лытэ зыхуашыр
Шыри хыри зыцыхурщ
[Нарты 1957, 30].

«Нарты уважают тех, кто знает море и землю (т. е. знает законы природы)», — с таким наставлением провожала мудрая Сатаней своего сына в первый раз на Хасэ (народное собрание).

Чтобы сохранить свою биологическую популяцию, человек вынужден вторгаться в живую природу, пользоваться плодами леса и поля, культивировать определенные виды растений и животных для своего пропитания, использовать природные материалы для строительства жилища, перестраивать русла рек, т. е. благоустраивать ойкумену, о чем свидетельствуют данные письменных источников, согласно которым каждое ущелье и каждая долина, располагавшиеся на территории проживания адыгов, имели свои особенности, как

то: террасирование, противоэрозийная агротехническая обработка почвы и фитомелиоративные работы, специфический климат, наличие или отсутствие водоемов и рек, разная структура почв и т. д. При этом существовал негласный закон — брать у природы не более того, что жизненно необходимо человеку: не охотиться ради забавы, а только для пропитания, регулируя охотничьи сезоны и не мешая воспроизводству фауны; в качестве топлива использовать только сушняк, поваленные деревья, высохшие кустарники. В строительстве, например, адыги использовали элементы деревьев и растений, не губя их целиком и давая возможность естественного заживления и т. д. [Хакунов 2002, 35]

В эпосе постоянно подчеркивается роль и место природы в формировании, воспитании будущего воина-богатыря. В сказании «Как Бадыноко сражался с чинтами» говорится: «Бадыноко, выросший во мраке, не привык к дневному свету. Глазам его слабо больно. Он спросил: “Матушка, куда ты меня привела? Как называется это место?” — “Это место называется миром, — ответила мать. — Мир прекрасен, а мы — его дети”. Боль в глазах Бадыноко утихла. Они хорошо видели во тьме, а дневной свет увеличил их зоркость. Высоко над собой сын Бадына увидел сияние, которое показалось ему чудесным. Он смотрел на него, не шурясь, и чувствовал, как грудь его наполняется счастьем. Он спросил, показывая пальцем: “Что это такое?” — “Это солнце, — ответила мать. — Люди с чистыми сердцами клянутся его именем”» [Нарты 1957, 159]. Мать показывает витязю красоту природы, которую нужно увидеть и почувствовать, ее надо ощутить всеми органами чувств, и только тогда возможна гармония между человеком и природой.

В адыгском героическом эпосе «Нарты» природа олицетворяет человека, слита с ним, неразрывна с ним в своей характеристике. К примеру, в сказании о Сосруко и Адиух говорится, что страна нартов «благословенное место... Всюду цвели плодовые деревья, зеленели обширные пастбища, бурно текли многоводные реки. А на берегах рек пестрели тучные стада, паслись неисчислимые та-

буны коней. И день был хорош: долгий, солнечный, не очень жаркий и не слишком холодный» [Там же, 125]. А вот в стране чинтов — заклятых врагов — совсем другая природа: «Оказалось, что в стране чинтов солнце пекло так сильно, что трескались камни, плавилась земля. Суховой носился по степным просторам, погребая под песком все живое. Псабида привязал коня к одинокому сухому дереву и прилез, в изнеможении в тени конских ног. Но тут суховой вырвал из земли и это единственное дерево и унес его вместе с конем. Псабида погнался за деревом, чтобы спасти коня — свою опору. Ноги его тонули в песке, ветер бил ему в лицо. От долгого бега захотелось всаднику пить. На зубах скрипел песок, а губы пересохли и потрескались» [Там же].

Далее герой ищет, где бы ему напиться, но, придя к роднику, видит, что «родник превратился в мутное болото, полное змей и лягушек. От воды пахло гнилью. Ее зловоние не мог развеять даже сильный ветер пустыни... И опять подул суховой, и трескались камни, и плавилась земля» [Там же]. Природные стихии, как бы они ни разбушевались, помогают герою, когда новорожденного Бадыноко по злой воле Тхебыще-Коротыша, испугавшегося будущей силы и мощи витязя, бросают в лесу на съедение диким зверям, «...ночью налетела на глухое ущелье буря, загремел гром, вспыхнула молния, под сильным ветром пошел дождь, и такой обильный, что в ущелье образовалась река, и эта река вынесла корыто с мальчиком в широкую долину», где его найдут и воспитают приемные родители [Там же, 156].

Важнейшим посылом желания преобразовать окружающий его мир является для человека его эстетическая потребность, диктующая ему определенные действия в экстраполяции на природную среду.

Безусловно, являясь духовной потребностью, она, тем не менее, в своем генезисе восходит к материальной сфере жизни человеческого общества, и это закономерно, так как материальные потребности в своей первоначальной исходной форме непрерывно связаны с процессом формирования человеческой духовности.

Сад-лес строится на бескорыстном отношении человека к природе, который во главу угла ставит не потребление материальное, а желание гармонии мира, в котором, по И. Канту, человек выступает в целостном единстве, отсюда, в силу интерактивной универсальности и ориентированности на «родовое человеческое начало», эстетическая потребность — то, что способно дать «максимальную радость» человеку, выступая исходным импульсом для творческого восприятия мира и преобразования его по законам красоты, способствует самотворческому развитию и совершенствованию личности, является фундаментом, основанием, на котором строится культура личности.

В тех же «Нартах» мы видим, что эстетическая потребность, касается ли это танцев, песен, наигрышей, декоративно-прикладного искусства (вернее, ремесел, так как еще рано говорить о декоративно-прикладном искусстве в данном контексте), природных ли явлений и т. д., представлена как в сознательной, так и в неосознанной форме, проявляясь преимущественно в эмоциональной сфере, что особенно характерно в отношении природы. Почему одна картина (приведенный отрывок о природе страны нартов) кажется прекрасной, а другая (страна чинтов) безобразной? Только ли прагматизмом выживания диктуется такая дифференциация? Только ли физиология человека диктует его эстетические запросы?

Есть в «Нартах» удивительное сказание о том, как появилась флейта (сырып) нарта-воина Ашамеза. Будучи в далеком походе, витязь немерено сразил своих врагов, не спал несколько ночей и, когда смертельная опасность миновала, лег под могучим деревом и заснул.

Ночью разразилась большая гроза, начался ливень — богатырь не пошевелился. Молния ударила в дерево, под которым спал нарт, огромная ветка отломилась и накрыла нарта, как шатер, задев его своими сучьями, — богатырь спал как ни в чем не бывало. Но вот в образовавшемся дупле по-особому зашвистел, запел ветер, и замороженный нарт, проснувшись, увлеченно и радостно стал вслушиваться в эти чудесные звуки, затем якобы сам срезал ветку и,

проделав в ней отверстия, стал играть на этой самодельной флейте, ставшей могучим оружием нарта-музыканта, так как играя на белом конце, он оживлял все вокруг, игра же на черном означала смерть всему существу (напрашивается параллель с живой и мертвой водой в русской народной сказке, впрочем, этот мотив можно считать универсальным и в разных вариантах встречается в мифологии и эпосе различных народов) [Там же, 207].

Древний адыг мог увидеть и почувствовать красоту природы во всем: мельчайшем кристаллике легкой снежинки, чья симметрия и пропорция не укрылись от его глаз; капле росы, когда ранним утром она, сверкая, словно бриллиант, на траве, создает явление радужного сияния; радуге, протянувшейся, подобно коромыслу, после дождя; просто в свете, который имеет поэтическое звучание — «нур» (сияние).

Для нарта нур — это не только данность мироздания, но и эстетическое свойство природы, с которым у адыга ассоциируется представление об идеальной красоте мира, ясность, раскрывающая мир для зрения и познания, и вместе с тем, нур — это сияние, горение, создающее окружение таинственности, волшебства и поэтичности материального мира, который есть то, что называется красотой. Сияние солнца, дающего жизнь всему, что находится на земле, яркий свет огня домашнего очага или кузницы, где хозяин — могучий нарт Тлепш — легко гнет раскаленный металл руками, передают свет всему, на что он падает:

*Трудится в кузнице Тлепш,
Меч богатырский кует.
Нет у Тлепша клещей,
Уголь куричный — кизяк,
А наковальня — валун,
Жарко пылающий горн —
Утренняя заря*
[Там же, 323].

В эпосе «Нарты» звезды и планеты указывают воинам путь во мгле, дарят веру в победу, утешают в горестный момент. Сатаней-гуаша, беспокоясь о судьбе своего сына Сосруко, ищет у небесных светил защиту и покровительство для него. Перед смертью Сосруко завещает:

*Лишь земля зазеленеет,
Небосвод заголубеет,
И, шумя, помчатся воды,
Дайте мне семь дней свободы...*
[Там же, 147]

В эпосе много раз говорится о том, как любит нарт Сосруко все живое в природе, и природа отвечает ему тем же: «С той поры каждый год, в тот весенний день, когда Сосруко закопали живым в землю, оживают животные, реки освобождаются от ледяных оков, пробуждаются травы, тянутся к свету земли. И когда он вспоминает землю, которую он так любил, силы его удесятерятся, он рвется вверх, на свет, но не может сквозь подземную толщу пробиться туда, где все растет и обновляется, — и невольно льются слезы из его глаз. Родники, бьющие из подножья Горы Счастья — это горячие слезы Сосруко» [Там же, 146].

Под Горой Счастья подразумевается Эльбрус — величайшая гора Европы и одна из самых красивых гор в мире. Устное народное творчество адыгов буквально пересыпано упоминаниями об Эльбрусе, обращениями к нему, восхищением его сияющими вершинами, почитанием Ошхамахо, что в переводе означает «Гора счастья». Красота этой двуглавой вершины не только доставляла эстетическое удовольствие адыгам, но и поддерживала их физическое и психическое здоровье, являясь мощным фактором культурно-нравственного воспитания, развития творческой активности.

Пейзажное разнообразие Эльбруса, его склонов и подножья — яркая, визуально разнообразная картина, создаваемая множеством контрастных элементов, достигаемая эффектом экотона, сопряжения разных типов ландшафта, образуемых льдами и снегами, зеленой растительностью, голубыми ручейками, различными камнями и минералами, хвойными деревьями и цветущими кустарниками — не могло оставить равнодушным того, кто эту красоту видел ежедневно. Цветовая гамма Приэльбрусья, сочетающая все мыслимые оттенки, имела большое значение для восприятия элементов пейзажа, в котором значительную роль играли цветовые

выражения, выступающие в качестве «фигуры на фоне».

Не менее важную роль играло пейзажно-композиционное устройство, сочетающее линии гор, лесистой части, глаза озер и рек, характеризующихся многоплановостью и вариативностью, в которых символическим объектом, особо примечаемым природным образованием, выступающим в качестве визуальной доминанты, выявлялись восточная и западная вершина Эльбруса. Если добавить к сказанному резко расчлененный рельеф, значительную активность геоморфологических процессов, богатую геологическую историю, ярко выраженную инсоляционную экспозиционность склонов, мозаичность и контрастность подножья, образующих вкуче со сказанным особую природно-пространственную зону, можно понять, почему Эльбрус воплощает у адыгов идеал прекрасного в природе.

В древнеримской мифологии титана Прометея, который похитил огонь у богов, дал его людям, боги карают тем, что его приковывают к горе, куда каждый день прилетал орел, чтобы выклевывать печень героя. Согласно мифам эта гора — Эльбрус: «Далеко за скалами виднеются снежные вершины Кавказских гор. Сюда-то, на край земли, привели слуги Зевса скованного Прометея, чтобы приковать его несокрушимыми цепями к вершине горы» [Кун 2008, 181].

В эпосе «Нарты» Прометею соответствует Насренжаке, который тоже добыл огонь для людей и также наказан:

*Понесешь сегодня кару, непокорный, —
На вершине горной закую тебя,
На горе высокой будешь одиноко
Жить до самой смерти пленником моим.
Он железной цепью обвязал Насрена,
К Ошхамахо крепко приковал его*
[Нарты 1957, 204].

Далее мы читаем:

*Налетает хищник на тхамаду нартов,
Разрывает клювом грудь богатыря,
Пьет он кровь из сердца гордого Насрена,
Печень его клювом яростно клюет*
[Нарты 1957, 209].

Однако природа в этнической культурной системе адыгов не идеализируется, можно проникнуть в ее тайны, человек способен изменить ее к лучшему,

но последнее не значит, что природа — объект интенсивной преобразовательной деятельности. Новации принимаются, но как частность, при условии, что они способствуют сохранению классической целостности, так как традиция, прошлое — важный судья.

Человек и природа в этнической картине мира адыгов слитны и неразрывны, не имея четких границ и антагонистических противопоставлений. Они не вписываются в две полярные парадигмальные установки относительно воздействий социума на окружающую среду, выработанные на протяжении всей человеческой истории благоговейное отношение к природе (которое было характерным для древности, европейской культуры эпохи романтизма, а также китайской культуры периода трех религий) и потребительское (которое было характерным для европейской культуры эпохи средневековья и для периода становления промышленного капитализма).

Все это мы видим на примере героического эпоса «Нарты», сокровищнице этнической мудрости адыгов, собравшей эпические, эстетические, мировоззренческие идеалы этноса.

Литература

Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 2008.

Нарты 1957 — Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957.

Хабекирова 2001 — Хабекирова Х. А., Мусукаев А. И. Мир дерева в культуре адыгов (этнокультурологические воззрения народа) // О Балкарии и балкарцах. Нальчик. 2001.

Хакунов 2002 — Хъжъун Б. Ю. Мьлькун ефIэкI хьугьхэфIыгъуэхэр. Адыгъээм я мэкъумэш, ботаникэ щэнхэбээр. Налшык, 2002.

Хотко 2005 — Хотко С. Х. Старые черкесские сады (ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников): в 2 т. М., 2005. Т. 1.

Summary. Article dedicated to the problem of relationship between society and nature, in its representation in the traditional cultural man-made landscape. The authors, appealing to the fragments of the heroic epic «The Narts» prove — the relationship with nature in the ethnic cultural system Circassians are built on the principles of humanistic rationalism.

Key words: Circassian garden-forest, epos «The Narts», preserving consciousness.

Б. С. ЗУЛУМЯН

(Москва)

ОБРАЗ САТЕНИК В АРМЯНСКОМ ЭПИЧЕСКОМ СКАЗАНИИ ОБ АРТАШЕСЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ И ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация. В армянском эпическом сказании об Арташесе и Сатеник, восходящем к эпохе Арташесидов (II—I вв. до н. э.), тесно переплелись исторические и мифологические элементы. В основе сюжета лежит мифологическая схема о соблазнении супруги бога грозы змеем. Выявляются параллели с нарским эпосом, анализ и сравнение с текстами армянских сказаний может дополнить картину контактов и взаимодействия устнопоэтического слова древних народов.

Ключевые слова: Армения, эпос, «основной миф», солярный культ, мифология.

Армянское эпическое сказание об Арташесе и Сатеник¹ известно нам в основном в пересказе Мовсеса Хоренаци, а некоторые фрагменты и детали — из легенд и сказок. Это отдельная ветвь в цикле эпических сказаний так называемого народного эпоса «Випасанк» (или Ерг випасанац — песни випасанов), относящегося ко II—I вв. до н. э. В сказаниях, распевавшихся и декламировавшихся народными рапсодами — випасанами, — переплелись мифические элементы и историческая реальность эпохи Арташесидов. «Если мифы очень мало подвергались историческому влиянию и зачастую являются заимствованиями, — пишет М. Абемян, — то эпос, напротив, своим происхождением, в общем и целом, является исконным, национальным, самостоятельным творчеством. Предмет его — история, будь она подлинная или лож-

¹ В научной литературе встречаются различные написания этого имени: Сатеник — в переводе «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци Г. Х Саркисяна, Сатаник — в исследовании Ш. Х. Салакая, Сатеник у М. Мкряна и в других исследованиях. У Хоренаци в оригинале на древнеармянском — двойное написание: и Сатеник, и Сатеник — последнего написания мы и будем придерживаться в дальнейшем).